

18+

КОГТЕ ТОЧКА

№3, 2022

**Максим Андреевич Ильиных
Константин Спицын
Поляк Сергеев
Иван Сергеевич Чернышов
Даниил Юрьевич Зимин
Софья Александровна Азарова
Мария Левеня
Алексей Владимирович Бондарев
Дядя Рен
Александр Гальперн
ка́йдан
Когтеточка. № 3, 2022**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68477945

ISBN 9785005923363

Аннотация

Когтеточка – журнал современной литературы, открытая площадка для начинающих авторов, предлагающая возможность «отточить» их мастерство. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЗА	6
Константин Спицын. Девушка с кукурузой	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Когтеточка

№ 3, 2022

Авторы: Чернышов Иван Сергеевич, Спицын Константин, Бондарев Алексей Владимирович, Левеня Мария, Зимин Даниил Юрьевич, Гальперн Александр, Ильиных Максим Андреевич, Азарова Софья Александровна, кáйдан, Дядя Рен, Поляк Сергеев

Редактор Иван Сергеевич Чернышов

Дизайнер обложки Иван Сергеевич Чернышов

Корректор Иван Сергеевич Чернышов

© Иван Сергеевич Чернышов, 2022

© Константин Спицын, 2022

© Алексей Владимирович Бондарев, 2022

© Мария Левеня, 2022

© Даниил Юрьевич Зимин, 2022

© Александр Гальперн, 2022

© Максим Андреевич Ильиных, 2022

© Софья Александровна Азарова, 2022

© кáйдан, 2022

© Дядя Рен, 2022

© Поляк Сергеев, 2022

© Иван Сергеевич Чернышов, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-2336-3 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-5143-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЗА

Иван Чернышов. Как я умер для новой жизни

Пожилой – во всяком случае, немолодой, с залысынами, пассажир поезда «Мурманск – Псков» Никита Борисович Е. курит в туалете вагона сигарету «Тройка», затем, кашляя и кряхтя, возвращается на свою полку. Проводница, проходя, принохивается и обрушивает тираду на соседа Никиты Борисовича, гражданина Пастухова, о недопустимости курения в поезде. Гражданин Пастухов оправдывается, что курит только на перроне и чешет бородавки на щеке с выражением явной досады. Вскоре появляется железнодорожная полиция в ослепительных кителях и пугает гражданина Пастухова штрафом в размере полутора тысяч рублей. Все это время Никита Борисович Е. пристыженно молчит. Железнодорожные полицейские и проводница уходят, и женщина за пятьдесят, однако в лосинах и с ножным браслетом, вульгарным настолько, что он кажется взятым из индийского порно, делает Никите Борисовичу замечание, попивая Швепс Спритц Аперетиво с ацесульфамом калия и аспартамом.

– Вы же курили, а из-за вас другому человеку попало.

Никита Борисович угрюмо молчит, теребя пакетик чая «Принцесса Гита». Потом ему звонит сын Серега, и они ма-

ленько беседуют. Нет, встречать его не надо. Нет, он как-нибудь сам. Нет, не тяжелый багаж, тут багажа-то. Потом Никита Борисович смазывает зубной протез кремом «Корега».

Спустя положенное время поезд прибывает во Псков, и Никита Борисович торжественно сходит. Добирается до дома, где, приняв ванну и переодевшись в халат, он сперва ужинает бутербродиками с колбаской «Папа может», после чего предпринимает следующие необъяснимые действия: подойдя в ванной к зеркалу, извлекает из шкафчика малиновую губную помаду, жирно намазывает губы, после чего берет телефон и имитирует разговор по телефону с доченькой Женечкой, которая пошла к зубному и боится, что ей будут рвать зуб. Бог терпел – и нам велел, доченька. Как же прожить, чтоб не терпеть? Кто же когда прожил, сама посуди.

Завершив разговор, который продлился около пятнадцати минут, Никита Борисович смывает помаду; та смывается не сразу. Потом Никита Борисович ест еще бутерброд и включает с телефона вещание НТВ. Героический капитан повел себя безрассудно, когда банк захватили грабители: он не должен был вмешиваться, пока спецназ медлил со штурмом.

Никита Борисович не сопереживает героям сериала.

Затем Никита Борисович раздевается, вынимает протез и ложится в постель, где его практически сразу *смарывает* сон странный и пугающий: будто купили они с сыном Сере-

гой морепродуктов, вроде как крабовых палочек, залили их как доширак заливают, а там выползло что-то живое, как гигантская розовая креветка в пиалке, топорщится десятками толстых крабовопалочных ног, моргает, стремится вылезти. Внезапно кот ихний, Тимошка, на это чудовище бросается и половину отгрызает, и половина чудовища-креветки в кошачьей пасти превращается в половину туловища котенка.

Никита Борисович просыпается с испариной и в темноте натывается на дверной косяк.

Константин Спицын. Девушка с кукурузой

Издали повеяло дождем. Сильвио обернулся: с запада единой устрашающей массой надвигалась плотная пелена иссиня-черных туч. Грозы было не избежать.

– Мы еще увидимся? – с надеждой и тоской в голосе спросил он.

– Конечно! – ласково улыбнулась она.

– Но... мы же... как я узнаю тебя?..

– Как и сегодня. Я буду с кукурузой.

– Но...

– Не переживай, – она легко коснулась тонкими пальцами его дрожащих губ. – Я чувствую, что ты мне такой родной, такой... мой. Это явно не первая наша встреча. И точно не последняя.

Ветер все усиливался, прижимая кроны небольших деревьев к земле. Зрелище пугало и вызывало трепетный восторг: как ничтожны казались два влюбленных человека перед мощью и величием природы. Поляну окутывал мрак, и окружающие звуки стихли: кузнечики оборвали свою беззаботную стрекотню, птицы, перестав тревожно кричать, с чувством выполненного долга разлетелись прочь – мир вокруг замер в мятежном ожидании надвигающейся грозы.

– Я никогда тебя не забуду... – Сильвио едва сдерживал слезы.

– Забудешь, – она продолжала блаженно улыбаться, и глаза ее, вопреки всей трагичности ситуации, сияли счастьем. – Но мы полюбим друг друга снова.

– Я не хочу так! – он крепко сжал ее руки в своих. – Не хочу! Будь проклят тот, кто придумал этот мир, я не хочу так жить, не хочу забывать тебя!

– Я никуда от тебя не денусь, – ее взгляд излучал столько тепла, что им можно было укутаться, словно нежным шелковым одеялом. – Завтра мы встретимся вновь. И снова будем счастливы.

– Не произноси это слово! – закричал Сильвио, обреченно опустившись на колени и обняв ее вокруг бедер. Почему, почему она улыбается? Все же ужасно, все так... несправедливо... – Это несправедливо! За что нам такие страдания? Чем мы прогневали Бога?

– Разве ты страдаешь сейчас, со мной? – она гладила его волосы, все сильнее развевающиеся на колючем ветру.

– Нет! Я счастлив, счастлив! – не смог противиться слезам он. – Бесплезно это отрицать, от Него ничего не скроешь! За что нам все это, за что?..

Он прижался к ней и тихо всхлипывал, а она лишь мечтательно смотрела вдаль, туда, откуда угрожающе стремительно приближалась стихия.

– Кто знает... – задумчиво прошептала она, но тут же сно-

ва улыбнулась, потрепала Сильвио по голове и принялась поднимать с земли. – Вставай, мой хороший, нам пора.

– Не хочу, пожалуйста, я не хочу забывать... – он с трудом поднялся, но продолжал смотреть опухшими глазами под ноги.

– Ты все забудешь. И завтра мы будем счастливы вновь.

Она матерински поцеловала его в лоб и упорхнула, оставив свой солнечный цветочный аромат; но предательский ветер мигом унес его с собой, принесся взамен сырость и запах дождя. Вокруг стало по-настоящему темно, по небу устрашающе разносился гром, и на землю крупными косыми каплями обрушился могучий ливень. Сильвио дрожал – не то от пробирающего до костей холода, не то от жалости к себе, и слезы смешивались с водой, стекающей с волос, оставляя на губах солоноватый привкус. Так и не поднимая взгляда, промокший до нитки, он обреченно побрел прочь.

Как же безмерно жесток был Бог – а может, дьявол, – кто придумал мир, в котором люди каждую ночь теряли память о том, что делало их счастливыми. Может, когда-то давно, в первой версии человечества, мы не ценили счастье, разбрасывались им, веря, что источник его неиссякаем и черпать из него можно будет обильно и бесконечно, но... понял Бог, что лишь те, кто познал лишения, способны видеть счастье в мелочах. Лишь живущий в бедности и голоде ценит каждую крошку хлеба, пока богатый бросает своей собаке недоеденный им сочный бифштекс; лишь переживший смер-

тельную болезнь ценит каждый новый рассвет, пока молодой прожигатель жизни самоотверженно день за днем отравляет себя алкоголем и наркотиками; лишь прошедший войну ценит тишину и покой, пока любитель острых ощущений разгоняет своего железного коня до максимальной отметки... И решил Бог научить людей ценить свое счастье, ограничив его одним днем: стоило человеку заснуть, как все счастливые воспоминания пропадали без следа, и утром он ничего не помнил о том, как был счастлив накануне. И должен был искать свое счастье вновь. А обретя – снова скоропостижно терял.

Многие пытались этому противиться, но без сна никому не прожить... Не желая расставаться со счастьем, люди отчаянно сопротивлялись сну, но, увы, вечно это продолжаться не могло: кому-то удавалось продержаться двое, кому-то даже трое суток, но все рано или поздно засыпали; те же безумцы, кто оттягивал неизбежное дольше, в конце концов губили здоровье, теряли рассудок, а некоторые и вовсе не выжили... И со временем человечество привыкло, приняло эту горькую истину: ты можешь быть счастлив только один день, но завтра ничего об этом не вспомнишь.

И люди приучили себя сторониться счастья. Поколение за поколением становилось все более хладнокровным, безразличным: никто не хотел снова и снова терять память, и это благое чувство постепенно, но методично искоренялось. Семейные пары просыпались каждое утро в одной по-

стели и прекрасно помнили, кто лежит рядом; мать никогда бы не забыла сына, а учитель не смотрел бы недоуменно на лучшего своего ученика, не понимая, откуда он взялся в его классе, – все благодаря тому, что люди научились относиться друг к другу... равнодушно.

И глуп был тот, кто не хотел жить, как все. Родившиеся с изъяном, неисправимые романтики, их участь была незавидна: как беспечные мотыльки, летящие на свет, они сгорали в его ослепляющих лучах, чтобы, словно птица Феникс, возродиться вновь, позабыв этот равносильно спасительный и погибельный свет. И обречены были вновь и вновь идти вслепую по этому замкнутому кругу, пока не сломаются, пока не станут такими, как все, не сольются с серой массой – пока не погаснет окончательно пламя в душе, с каждым новым кругом все более затухающее. Такова была цена счастья. И мало кто готов был ее платить.

Сильвио был воспитан правильно и с малых лет знал, что дружба, привязанность – чувства лишние, чувства запретные, и худшее из них, самое страшное и опасное – любовь. Да, был круг людей, с кем он тесно общался, проводил вместе время, кому всегда был готов помочь и словом и делом – но угроза счастья всегда незримо витала в воздухе, стоило лишь преодолеть роковую черту и назвать кого-то другом. Да, родители – люди, которые тебя взрастили, дали кров и пищу, окружили лаской и заботой, – но не стоит относиться к маме и папе иначе как к мудрым наставникам, попечи-

телям, родным людям – родным не по притяжению сердца, а исключительно по крови. А уж любовь... Этого слова боялись и избегали – как и слова «счастье». Ведь разве это не одно и то же?

И прожил бы Сильвио такую же блеклую жизнь, как и все вокруг... но все изменилось в тот день, когда он встретил ее. Девушку с кукурузой.

Каждое утро он добирался на работу трамваем. Людей здесь обычно было немного, и за долгое время он уже привык ко всем из них, знал в лицо. Вот вечно сонная студентка посапывает у окна, заткнув уши наушниками. Что она делает ночами, из-за чего у нее всякий раз такой усталый вид? Может, учится, пишет конспекты, повторяет материалы к семинарам – тогда молодец, тогда умница, похвально. А может, гуляет ночи напролет с мальчиками, неистово трясет головой и другими частями тела на переполненном пьяной молодежи танцполе под кислотно-яркими лучами светомузыки – тогда... не очень похвально. Вот две чрезмерно говорливые женщины: одна из них всегда садится раньше и занимает парное место, располагая на втором свою сумочку, хотя многочисленные утренние пассажиры этого трамвая и без того прекрасно знают, на какой остановке войдет ее подружка, и они до самого конца своего продолжительного путешествия будут бурно что-то обсуждать, а затем выйдут вместе – очевидно, коллеги. Всегда почему-то предпочитал стоять мрачный худощавый юноша, взъерошенный и весь по-

росший бородой, в одежде на несколько размеров больше: может, донашивает за старшим братом, может, за отцом... а может, на то есть и другие причины. На одиночном сидении у задних дверей традиционно восседал зрелый мужчина: в шортах, сандалиях и рубашке с коротким рукавом – все песочно-серого цвета; на руках старинные механические часы с порядком истертым ремешком, на коленях плотно набитая кожаная сумка, рядом небольшая трость – все это вкуче с круглыми очками в толстой роговой оправе делало его похожим на какого-то карикатурного ученого-археолога – впрочем, почему бы этому не быть правдой? А эта милая старушка – куда она-то едет ранним утром день за днем? Навестить внуков? Но разве не внуки должны навещать своих пожилых родственников, а не наоборот?

Сильвио нравилось думать обо всем этом. Сознание порой рисовало фантастические картины: в мире случился какой-то вселенский катаклизм, и только они, пассажиры этого старенького красного трамвайчика, сумели выжить, и теперь им предстоит вместе создавать новое общество. Смогут ли они ужиться? Какие секреты хранит эта сонная студентка? А юноша – может, он только выглядит таким нелюдимым и суровым, а на самом деле добрейшей души человек, искренний, веселый, инфантильный? И дряхлая старушка внезапно оказывается доктором физико-математических наук, и в новом мире станет совсем не балластом, а напротив, двигателем прогресса, ведущей научной силой человечества.

Всякий раз Сильвио незаметно для себя улыбался, проигрывая в голове все новые сценарии, представляя, воображая себе, кем являются все эти трамвайные люди...

Но однажды появилась новая пассажирка. Маршрут был непопулярен: трамваем в городе почти никто не пользовался: он был медленный, грохочущий, зимой не отапливался, отчего за долгую поездку можно было запросто обморозить ноги – и потому каждого его пассажира можно было с уверенностью назвать романтиком. И встретить здесь кого-то нового, тем более ранним утром, еще на рассвете, удавалось нечасто. Поэтому, едва войдя внутрь, таинственная незнакомка моментально приковала к себе взгляд Сильвио.

На ней был легкий голубой сарафан, милые аккуратные босоножки, а волосы... что это были за волосы! Даже человеку, совсем не умеющему определять размер на глаз, было очевидно, что в распущенном виде они доставали бы ей до бедер, а то и ниже, – но они были умело переплетены, собраны и закреплены изысканной заколкой в виде розового цветка. Светло-русые, густые, они переливались в лучах рассветного солнца, а запах... этот аромат Сильвио отчетливо ощущал даже сидя несколькими рядами позади. На ее лице царила блаженная улыбка; она села у окна на свободное парное место и мечтательно смотрела вдаль. Казалось, она была не от мира сего: словно ангел спустился на землю, щедро одаряя всех пассажиров утреннего гроыхающего трамвая своим светом, своим... теплом.

Но главное, что удивляло Сильвио в ней, это... кукуруза. Да, девушка держала в руках початок кукурузы, обернутый в бумагу. Следуя своему излюбленному делу, Сильвио в ту же секунду принялся рисовать картины одну невероятнее другой, но ничто не выглядело убедительно. Зачем, зачем ей кукуруза? Она не ест ее, да и та не сварена – напротив, свежая, с зелеными листьями, будто только что сорванная с грядки. Куда она везет эту кукурузу? Кому? Версии кружились в голове неудержимым вихрем, достигая абсурда, но никак не желали сходиться в единой точке. От усердия Сильвио даже закусил губу, столь рьяно пытался разгадать загадку этой кукурузы и ее хозяйки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.